

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Приобье
глазами археологов
и этнографов

Материалы и исследования
к “Энциклопедии Томской области”

Издательство Томского университета

1999

Медведкинские находки

Ф.И. Мец

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 97.01.00067А

Осенью 1991 г. начальником участка треста «Востокбурвод» Ю.М. Блещавенко в размыве левого берега р. Томи близ дер. Медведка Томского района Томской области были обнаружены четыре каменных изделия из алевролита¹. Предметы были переданы в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ и зарегистрированы как «Медведкинские находки» (кол. №7686). Поскольку примерно в этом же месте в 1977 г. разведкой В.А. Рябцева было открыто Медведкинское поселение, давшее материал от неолита до начала II тыс. н. э. (Ожередов, Яковлев, 1993, с. 152, №1299), то скорее всего эти находки были вымыты из его культурного слоя.

Коллекция состоит из трех оселков и подтреугольной формы предмета с биконическим просверленным отверстием в одном из углов. Из трех оселков один представляет собой окатанную гальку длиной 7,5 см со слабо различимыми следами сработанности (рис. 1, 3)². Второй имеет вид подпрямоугольного в сечении бруска размерами 9×3,5×1,2–2 см с хорошо выраженными следами выработанности на всех гранях (рис. 1, 2). Особое внимание в этой коллекции привлекает третий оселок (рис. 1, 1), имеющий трапецевидное сечение и размеры 9,5×2–1,6×1,8–1 см. От большого количества подобных изделий, в целом весьма характерных для западно-сибирских древностей, этот экземпляр отличается зооморфным оформлением одного из своих торцов. Подчетыреугольные в сечении оселки бытовали в достаточно широких хронологических пределах. М.Ф. Косарев считает их диагностирующим признаком эпохи бронзы (1974, с. 49–50), В.И. Матюшенко – обычными абразивами времени неолита (1973, с. 101–102). Этому же мнения придерживается А.И. Петров, указывающий на устойчивое соотношение каменных шлифованных изделий и оселков на неолитических памятниках Среднего Прииртышья и крайнюю малочисленность последних на памятниках с развитой бронзолитейной индустрией (1987, с. 8–9). Факт зооморфного оформления, некоторые детали изображения и сам изображенный персонаж делают датировку оселка из Медведки эпохой бронзы более предпочтительной.

Запечатленная на торце изделия голова имеет подтреугольную форму с приостренной мордой. Рельефно, в виде неглубоких сверлин, пока-

¹ Определение доцента кафедры петрографии ТГУ Ю.В. Уткина.

² Рисунок художника В.В. Щербаковой.

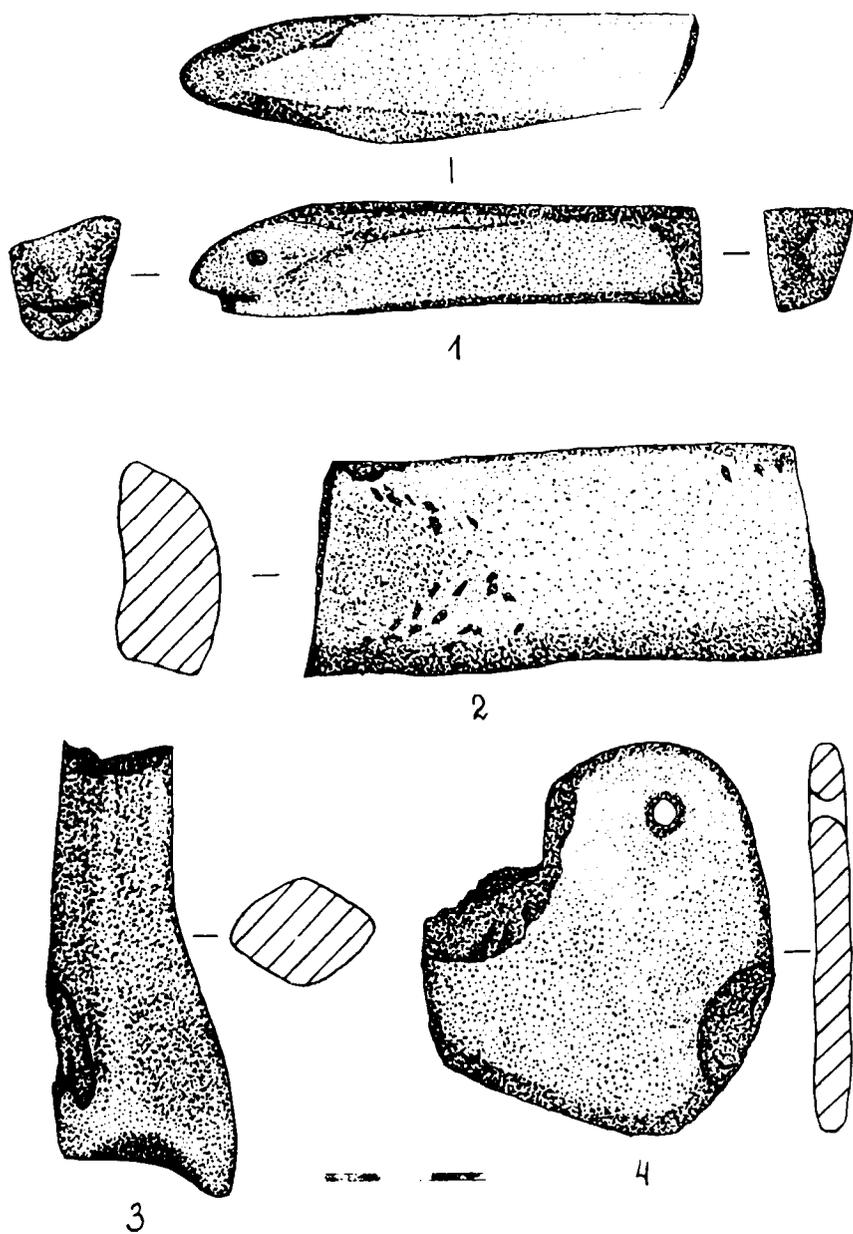

Рис. 1. Медведкинские находки

заны глаза. Прямой линией, выполненной неглубокой шлифовкой, передан рот. Утрачен небольшой фрагмент нижней челюсти, отбитый, судя по всему, в древности. Изделие достаточно своеобразно и представляет собой интереснейший образец первобытного искусства. По манере изображения и способу передачи деталей он напоминает некоторые окуневские скульптурки (Студзицкая, 1973, с. 185, рис. 1, 9) и особенно зооморфную головку на рыболовном стерженьке из могильника кротовской культуры Сопка-2 (Молодин, 1985, с. 46, рис. 19, 3).

Несмотря на явную стилизованность изображения, некоторые его детали, такие как расположение глаз, подтреугольная форма головы, однозначно говорят, что древнему мастеру, изготовившему оселок, «позировала» змея³.

Будучи одним из древнейших образов первобытного искусства (достаточно вспомнить хотя бы знаменитую мальтинскую пластину), змея среди его персонажей в урало-сибирском регионе встречается достаточно редко. К тому же пока достоверно не известно ее изображений, относящихся к неолиту, за исключением, может быть, фрагмента глиняной скульптурки с Андреевского озера (Усачева, 1998, с. 106, рис. 1, 1). В памятниках эпохи раннего металла есть единичные скульптуры из дерева (Мошинская, 1976, с. 76–77, табл. 7, б) и кости (Молодин, 1985, с. 56, рис. 27, 1–3), гравировки (Молодин, 1983, с. 96–101, рис. 5, 1; 1985, с. 56, рис. 27, 7), налпные, прочерченные или выполненные гребенчатым штампом изображения на керамике (Мошинская, 1976, с. 73; Кокшаров, 1990, с. 6–8; 20–25, рис. 1, 1; 5, 1; 7, 1А). Не исключено, что змеи были и в числе персонажей уральских петроглифов (Чаиркина, 1998, с. 92–93).

Неоднозначность семантической нагруженности этого образа общеизвестна. С одной стороны, змея являлась символом женского плодородия, с другой – это олицетворение мужского оплодотворяющего начала. С одной стороны – явная связь змеи с водной стихией, с другой – с небесным огнем. Змея может и покровительствовать человеку, и быть ему враждебной. Такая противоречивость внутреннего содержания этого персонажа требует индивидуального подхода к интерпретации каждого отдельного изображения.

Анализируя археологический контекст таких находок в Западной Сибири и привлекая аналогии из других регионов, Ю.И. Михайлов пришел к выводу о существовании их связи с человеческой рукой. Семантическая связка по принципу «змея–рука» проявляется в размещении скульптурок змей на костях рук в погребении служителя культа в кротовском могильнике Сопка-2, в изображениях змей на рукоятях бронзовых кинжалов сейминско-турбинского типа и т. д. (См.: Михайлов, 1997). Показательно, что эта связь проявляется на предметах, датированных эпохой бронзы.

В этот же круг древностей входит и находка из Медведки, поскольку оселок – орудие для заточки и правки колющих и режущих предметов – при использовании держали в руке.

³ Устная консультация зав. зоомузеем ТГУ, к. б. н. С.С. Москвитина.

Наличие семантической связки «змея–рука» Ю.И. Михайлов объясняет тем, что в мифологическом и ритуальном контексте способность змеи заглатывать добычу и способность руки брать, хватать предметы обеспечивают метонимию, которая обыгрывалась в обрядовых сценариях. Изображения змей на сакральном уровне расширяли биологические возможности руки и усиливали действенность самого орудия (Михайлов, 1997, с. 228).

Допуская справедливость подобного толкования, отметим вместе с тем, что в случае с описываемым оселком параллельно мог актуализироваться и другой аспект семантической значимости рассматриваемого образа.

Появившись в неолите, оселки, сохраняя обычные для них очертания и пропорции, бытовали достаточно долгое время, иногда теряя изначальное «производственное» значение и становясь амулетами. Такие амулеты (иногда в богатой оправе), привешенные к поясу и без следов употребления, часто встречаются в скифских погребениях (Грязнов, 1961). О семантической важности этого изделия свидетельствует факт его присутствия на каменных изваяниях скифского и предскифского времени (Раевский, 1983, с. 54). Включение оселка в число представленных на них атрибутов (акинак, ритон) является средством выражения той же идеи, которой подчинены другие особенности изваяний – их фалломорфизм (Раевский, 1983, с. 55). Вполне вероятно, что аналогичные идеи были близки и древнему населению юга Западной Сибири. Фаллическая символика характерна для эпохи бронзы этого региона и показательна, что фалломорфизм присущ таким орудиям, как песты и терочки (Косарев, 1984, с. 111–112, рис. 20; 21), имеющих сходный с оселком принцип действия.

Наглядна в этом плане и параллель с кинжалами сейминско-турбинского типа, имеющих на рукоятях изображения змей (Черных, Кузьминых, 1989, с. 109–110, рис. 62, 1–3). Среди сейминско-турбинских древностей кинжалы обладали особым статусом. Это было «безусловно «оружие» княжеского ранга, в некотором смысле социально более значимое, нежели большие наконечники копий и кельты – в целом гораздо более многочисленные, чем кинжалы» (Черных, Кузьминых, 1989, с. 108). С учетом наиболее вероятного господства патриархальных норм у носителей культур этого круга (См.: Косарев, 1984, с. 159–163) более вероятна и «мужская» символика в орнаментации такого рода аксессуаров. Кроме того, общепризнано, что оружие колющего типа (меч, кинжал, нож, копье, стрела) само по себе также обладало фаллической символикой.

Таким образом, змея и оселок, змея и кинжал, дополняя и усиливая семантическое значение друг друга, выражали одну и ту же идею и выступали аллоэлементами фаллоса.

Мы уже отмечали стилистическую близость изображений на оселке и на рыболовном стерженьке из могильника Сопка-2. В.И. Молодин трактует последнее как рыбку. Однако, учитывая эту стилистическую близость, а также общую фалломорфность изделия и его несомненную связь с водной

стихий, можно предположить, что и в этом случае мы имеем дело с еще одной ипостасью образа змеи.

Подтреугольное изделие с биконическим отверстием в одном из углов (рис. 1, 4) могло быть грузилом для рыболовных сетей. Такого типа грузила в классификации С.И. Эверстова относятся к вариантам III, 3Аа – плоские грузила с искусственным отверстием в верхней части изделия и III, 3Аб – гиревидные грузила с отверстием на узком конце. В эпоху неолита – раннего металла они встречались на обширной территории от Зауралья до Прибайкалья. Правда, отличительной чертой этих грузил была массивность (Эверстов, 1988, с. 110–111, табл.5; 6). С другой стороны, этот предмет близок по форме подтреугольным или луновидным подвескам, широко известным на территории Западной и Восточной Сибири в энеолите – бронзовом веке. Они служили украшением костюма и могли иметь культовое назначение (Матющенко, 1973а, с. 23, рис. 5; Вадецкая и др., 1980, с. 24, табл. XXIII, 3; Васильев, 1983, с. 56, рис. 8; Молодин, 1985, с. 43–44, рис. 18; Кызласов Л.Р., 1986, с. 273–274, рис. 188, 1, 2; Горюнова-Воробьева, 1993, с. 104–105, рис. 3, 12). Аналогичную функцию, по-видимому, можно предполагать и для Медведкинской находки.